Изъ моихъ воспоминаній.

(Редакторъ «Русскихъ Вѣдомостей» Н. С. Скворцовъ.)

Я началъ писать въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» по окончаніи курса въ университетѣ, въ 1869 году, и познакомился съ редакторомъ Николаемъ Семеновичемъ Скворцовымъ при посредствѣ сотрудника газеты А. П. Лукина. Сотрудничество мое однако вскорѣ было прервано, такъ какъ въ концѣ того же года мнѣ удалось поѣхать за границу для продолженія образованія. За время моего пребыванія на чужбинѣ въ этотъ разъ мнѣ не удалось ничего написать въ газету, и мое участіе въ ней возобновилось лишь съ весны 1871 года, когда я возвратился въ Москву держать магистерскій экзаменъ. Въ это время въ редакціи «Русскихъ Вѣдомостей» должно было произойти большое измѣненіе: уходилъ именно второй фактическій редакторъ газеты, А. Д. Мейнъ, учредившій въ Москвѣ отдѣленіе редакціи газеты Краевскаго «Голосъ», наиболѣе распространеннаго повременнаго изданія. Уходъ г. Мейна,—человѣка, не лишеннаго литературнаго таланта, но вовсе не подходившаго къ роли соредактора и не пользовавшагося сочувствіемъ сотрудниковъ газеты, былъ, кажется, принятъ не безъ удовольствія и самимъ Н. С. Скворцовымъ, которому,—какъ были убѣждены въ редакціи,—онъ былъ «навязанъ» администраціей послѣ оставленія газеты М. Н. Щепкинымъ, начавшимъ издавать собственную еженедѣльную газету «Русская Лѣтопись». Составъ постоянныхъ сотрудниковъ «Русскихъ Вѣдомостей» того времени былъ очень невеликъ; кромѣ самого Скворцова, главные работники были: для отдѣла «внутреннихъ извѣстій» А. П. Лукинъ и Н. П. Бочаровъ (издававшій ранѣе «Московскую Газету»), для отдѣла «московскихъ вѣстей»—репортеръ Н. И. Пастуховъ (впослѣдствіи издатель очень распространенной въ Москвѣ газеты «Московскій Листокъ») и д-ръ Левенталь, находившійся въ какихъ то денежныхъ отношеніяхъ къ Скворцову и составлявшій для «иностраннаго отдѣла» самыя краткія, малозначившія выдержки изъ иностранныхъ газетъ. Такой незначительный составъ постоянныхъ работниковъ соотвѣтствовалъ, конечно, размѣрамъ самой газеты, въ которую входило значительно менѣе печатнаго матеріала, чѣмъ теперь.

По пріѣздѣ моемъ въ Москву Н. С. Скворцовъ предложилъ мнѣ въ виду предстоящаго ухода г. Мейна заниматься въ редакціи и раздѣлить съ нимъ бремя по выпуску газеты. Я согласился, и даже на первое время поселился въ самой редакціи, которая вмѣстѣ съ квартирой Скворцова помѣщалась за Малымъ Каменнымъ мостомъ, въ превосходномъ старинномъ домѣ, будто-бы принадлежавшемъ нѣкогда Прозоровскимъ, съ обширнымъ, эффектнымъ заломъ для редакціонныхъ занятій. Вотъ съ этого времени и начинаются мои близкія отношенія къ Скворцову, а также моя тѣсная связь съ «Русскими Вѣдомостями».

Я засталъ газету въ неблестящемъ положеніи: расходилась она и по тогдашнему времени въ незначительномъ числѣ экземпляровъ, и довольно

сильно терпѣла отъ конкурренціи появившейся въ Москвѣ соперницы—«Современныхъ Извѣстій» Гилярова-Платонова. Къ тому же вся хозяйственная часть газеты была въ какомъ-то хаотическомъ состояніи. Не обладая никакими хозяйственными способностями, человѣкъ необыкновенной доброты, крайне мягкій въ высшей степени довѣрчивый, Скворцовъ предоставлялъ полную свободу дѣйствій завѣдывавшимъ конторой и былъ убѣжденъ, что при тогдашнемъ положеніи газеты трудно было даже правильно уплачивать грошовое содержаніе сотрудникамъ. Скворцовъ былъ человѣкъ во многомъ весьма оригинальный. Я не знаю хорошо его ранняго прошлаго, но какъ извѣстно по его некрологу, онъ происходилъ изъ дворянъ Костромской губерніи и, по окончаніи курса въ мѣстной гимназіи, поступилъ сперва въ ярославскій Демидовскій лицей, а черезъ короткое время на историко-филологическій факультетъ московскаго университета. Скромный и трудолюбивый юноша, онъ нуждался въ средствахъ къ жизни и, будучи уже на старшихъ курсахъ университета, получилъ предложеніе работать въ газетѣ Н. Ф. Павлова—«Наше Время», въ которой участвовали между прочимъ, Б. Н. Чичеринъ и Ф. М. Дмитріевъ. Послѣ того, какъ «Наше Время» прекратило свое существованіе, Павловъ при содѣйствіи тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ Валуева открываетъ въ 1863 г. небольшую газету «Русскія Вѣдомости», выходившую сначала три раза въ недѣлю, и Скворцовъ начинаетъ дѣятельно участвовать и здѣсь. Усердный и талантливый работникъ, онъ мало-по-малу затягивается всецѣло газетой, оставляетъ университетъ и подпадаетъ вполнѣ подъ вліяніе Павлова, человѣка блестящаго и много испытавшаго въ жизни, страстнаго игрока, имѣвшаго хорошее состояніе, но запутавшагося и вѣчно нуждавшагося въ деньгахъ. Отрывочные разсказы Скворцова объ этомъ періодѣ его жизни и о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ ему приходилось исполнять трудную и неблагодарную работу безвѣстнаго, но въ сущности главнѣйшаго газетнаго сотрудника, производили всегда большое впечатлѣніе на слушателей. Интересенъ былъ, напр., его разсказъ о томъ, какъ трудно было получить жалованье сотруднику отъ Павлова, денежныя дѣла котораго, какъ я сказалъ уже, находились всегда въ разстройствѣ. На обращенную къ нему просьбу о деньгахъ Павловъ обычно отвѣчалъ, что денегъ сейчасъ нѣтъ, что необходимо немного обождать и, если это не удовлетворяло просителя, спрашивалъ, наконецъ: «Да на что собственно вамъ такъ нужны деньги?» И когда сотрудникъ объяснялъ, что онъ совсѣмъ обносился, что деньги нужны ему, чтобы купить сапоги или пріобрѣсть пару платья,—тогда Павловъ, искренно обрадовавшись, восклицалъ: «Эхъ, Боже мой, да вѣдь этому такъ легко помочь!» и съ величайшей любезностью предлагалъ сотруднику взять необходимыя вещи изъ своего обширнаго гардероба. Была единственная возможность получить отъ Павлова деньги немедленно,—это явиться къ нему и объявить: вотъ, молъ, Николай Филипповичъ, вчера со мною приключилось несчастіе, я проигрался, задолжалъ и обѣщалъ сегодня уплатить проигранное. Въ такихъ случаяхъ Павловъ убѣдительно доказывалъ безразсудность поступка, но не протестовалъ противъ уплаты, не отговаривался неимѣніемъ денегъ и, какъ бы это ни было затруднительно, давалъ просимую сумму, говоря: «Да, этотъ долгъ, карточный долгъ долженъ быть уплаченъ непремѣнно въ обѣщанный срокъ».

По смерти Н. Ф. Павлова въ 1864 году газета перешла къ его сыну, Ипполиту Николаевичу, а обязанности редактора, по желанію сотрудниковъ, принялъ на себя 25-тилѣтній Скворцовъ; но Павловъ оставался во главѣ изданія недолго: питомецъ московскаго университета, филологъ по спеціальности, онъ посвятилъ себя педагогической дѣятельности и не чувствовалъ большой склонности къ газетной работѣ, особенно въ органѣ не вліятельномъ и

не весьма доходномъ. Онъ передалъ изданіе Н. С. Скворцову, который съ тѣхъ поръ стоялъ во главѣ «Русскихъ Вѣдомостей» до самой своей смерти, и который, внѣ «Русскихъ Вѣдомостей», безъ нихъ, прямо былъ бы, какъ говорится, не мыслимъ: вся жизнь его и всѣ упованія — все было тѣсно, неразрывно связано съ газетой. При немъ она постепенно перерождается, становится ежедневной, увеличивается въ объемѣ и переходитъ въ разрядъ вліятельнѣйшихъ органовъ нашей печати. Ближайшимъ его помощникомъ вначалѣ былъ М. П. Щепкинъ, котораго смѣнилъ потомъ указанный мною Мейнъ. «Русскія Вѣдомости» того времени представляли главнымъ образомъ органъ, служившій для отраженія,—хотя, конечно, и не очень яркаго,—провинціальной жизни и для заявленія объ ея наиболѣе существенныхъ нуждахъ. Мало-по-малу при газетѣ образовался свой штабъ провинціальныхъ корреспондентовъ, который представлялъ гордость и несомнѣнную силу газеты, такъ какъ въ другихъ органахъ нашей печати этотъ отдѣлъ внутреннихъ извѣстій или совсѣмъ отсутствовалъ, или же былъ безъ сравненія много ниже, чѣмъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Фамиліи и адреса корреспондентовъ составляли тогда великій редакціонный секретъ, такъ какъ открытіе имени человѣка, рѣшившагося писать о нуждахъ мѣстной жизни и тѣмъ болѣе обличать непорядки, грозило смѣльчаку неисчислимыми непріятностями. И надо отдать полную справедливость Скворцову въ томъ, что онъ строго хранилъ въ тайнѣ фамиліи своихъ провинціальныхъ сотрудниковъ, а въ случаѣ нужды и отстаивалъ ихъ стойко. Помню одинъ случай, какъ главное управленіе по дѣламъ печати потребовало отъ него, согласно желанію военнаго министерства, сообщить фамилію корреспондента, напечатавшаго фактъ, оказавшійся безусловно неподлежащимъ оглашенію. Когда послѣ ряда всевозможныхъ хитроумныхъ «отписокъ» Скворцову ничего не оставалось болѣе, какъ только открыть фамилію писавшаго, онъ съ изумительной находчивостью воспользовался исключительной случайностью, спасшей не на шутку струхнувшаго автора сообщенія: какъ разъ въ это время редакція получаетъ свѣдѣніе о смерти своего постояннаго корреспондента именно изъ той мѣстности, откуда было прислано это, такъ взволновавшее военное министерство сообщеніе. Скворцовъ пользуется печальной случайностью и сообщаетъ главному управленію фамилію скончавшагося, бывшаго будто-бы авторомъ злополучной корреспонденціи. Этотъ фактъ, конечно, только одинъ изъ безчисленныхъ эпизодовъ газетной жизни, но одинъ онъ уже указываетъ, какой огромный культурный интересъ могла бы представить исторія зарожденія и постепеннаго развитія у насъ такъ называемаго отдѣла «Внутреннія Извѣстія», о которомъ вскользь и съ такимъ скорбнымъ чувствомъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ превосходнѣйшихъ фельетоновъ Г. И. Успенскій. Несомнѣнно одно, что «Русскія Вѣдомости» уже съ самой первой поры своего существованія удѣляли значительную долю вниманія нашей внутренней жизни и стойко вели борьбу съ цензурой всѣхъ видовъ, энергично и неослабно преслѣдовавшей все, сколько-нибудь выдававшееся въ этой области и пробуждавшее общественный интересъ. Второй газетный отдѣлъ, игравшій большую роль въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», былъ посвященъ московской жизни, въ частности—дѣятельности реформированной Думы, отчеты о засѣданіяхъ которой начали печататься тогда во всеобщее свѣдѣніе. Не малое значеніе имѣли и начавшіе появляться въ газетѣ отчеты о засѣданіяхъ новыхъ судовъ, возбуждавшіе огромный интересъ, особенно когда воспроизводились рѣчи извѣстныхъ обвинителей и адвокатовъ, а также и тогда, когда возникала полемика по тому или другому изъ болѣе громкихъ процессовъ. Значительно вниманія удѣляла газета также театру и музыкѣ, особенно московскому Малому театру, или сценѣ драматической, съ нѣкоторыми выдающимися

представителями которой, какъ напримѣръ, съ С. В. Шумскимъ Скворцовъ былъ довольно близокъ. Также близокъ былъ онъ одно время и съ Ник. Рубинштейномъ, первымъ директоромъ московской консерваторіи. Сравнительно мало развитъ былъ отдѣлъ иностранныхъ извѣстій, но недостатокъ этотъ редакція пыталась восполнить въ передовыхъ статьяхъ, посвящавшихся наиболѣе важнымъ вопросамъ изъ иностранной жизни.

Когда весной 1871 г. я поселился въ редакціи и началъ работать въ газетѣ, то кромѣ вышеупомянутыхъ постоянныхъ сотрудниковъ я встрѣчалъ ежедневно еще слѣдующихъ лицъ, о которыхъ нельзя не упомянуть: корректора Постникова, фактора типографіи А. В. Кононова и завѣдывавшаго разсылкой газеты А. Е. Крепова, занимавшагося отчасти переводами для газеты и ставшаго потомъ сотрудникомъ по иностранному отдѣлу. Эти лица стояли близко къ редакціи, проводили почти цѣлый день, да и значительную часть ночи въ помѣщеніи газеты и были искренно преданы дѣлу ея изданія. Изъ представителей общественныхъ группъ, принимавшихъ временами участіе въ газетѣ, слѣдуетъ вспомнить дѣятелей тогдашней, еще очень молодой адвокатуры; такъ, въ самомъ началѣ моей газетной дѣятельности я встрѣтилъ въ редакціи кн. А. И. Урусова, очень популярнаго въ то время, и Ф. Н. Плевако. Изъ университетской коллегіи, находившейся тогда еще всецѣло подъ обаяніемъ «Московскихъ Вѣдомостей», никто не участвовалъ въ газетѣ, да и не бывалъ въ редакціи, кромѣ проф. И. К. Бабста, по иниціативѣ котораго я былъ оставленъ при университетѣ и котораго собственно я сблизилъ со Скворцовымъ. Изъ лицъ, вращавшихся въ театральномъ мірѣ, время отъ времени помѣщалъ въ газетѣ отзывы о театрѣ, да и о музыкѣ, К. Б. Тарновскій, авторъ многихъ водевилей, бывшій одно время сотрудникомъ «Московскихъ Вѣдомостей», человѣкъ сравнительно состоятельный, мало подходившій однако по своимъ убѣжденіямъ къ характеру большинства сотрудниковъ. Но вся тяжесть работы лежала на редакторѣ и на небольшой группѣ постоянныхъ сотрудниковъ, изъ числа которыхъ надо выдѣлить А. П. Лукина, писавшаго подъ псевдонимомъ «Скромный Наблюдатель» и являвшагося тогда горячимъ представителемъ либеральныхъ началъ. Маленькая газета «Русскія Вѣдомости» того времени не имѣла еще строго опредѣленнаго направленія и, если въ общемъ она не слѣдовала по пятамъ всесильныхъ тогда «Московскихъ Вѣдомостей», тѣмъ не менѣе въ ея прошломъ бывали и досадные грѣшки. Для примѣра достаточно указать хотя бы на ея рѣзкіе выпады противъ перваго московскаго Общества потребителей и такихъ дѣятелей его, какъ А. И. Чупровъ и И. Ф. Ковалевъ, будущихъ профессоровъ и собственныхъ сотрудниковъ. А потому было бы несправедливо не отмѣтить этой указанной мною черты въ газетной дѣятельности покойнаго Лукина. Но какъ бы то ни было въ общемъ, повторяю, небольшая газета не шла на поводу «Московскихъ Вѣдомостей», и главнымъ работникомъ оставался всегда самъ редакторъ Скворцовъ, который приводилъ въ порядокъ разнородныя сообщенія, поступавшія за день, и писалъ руководящія статьи, преимущественно по вопросамъ внѣшней политики. Писалъ онъ легко и много. При корректурѣ статей онъ обращалъ самое тщательное вниманіе на стилистическую ихъ отдѣлку, и въ этомъ отношеніи Н. С. Скворцовъ былъ чрезвычайно требователенъ: онъ способенъ былъ просидѣть, не разгибая спины, многіе часы надъ правкой ненравившагося ему текста. Лежавшую на немъ тяжелую работу онъ исполнялъ преимущественно поздними вечерами, а также ночью, и до такой степени привыкъ къ этому, что прямо-таки не могъ съ успѣхомъ ни править корректуръ, ни писать днемъ. Работа по ночамъ вызывалась впрочемъ отчасти и тогдашними невозможными условіями полученія агентскихъ теле-

граммъ. Въ Москвѣ онѣ доставлялись въ редакцію поздно ночью, да еще нерѣдко по частямъ, а самое главное, телеграммы присылались въ редакцію пе переведенныя на русскій языкъ, какъ нынѣ, а въ подлинномъ видѣ, какъ онѣ получались съ телеграфа. Обычно въ нихъ были пропуски, искаженія названій мѣстъ и именъ дѣйствующихъ лицъ; притомъ же телеграммы присылались не напечатанныя, а скопированныя съ рукописи на копировочномъ станкѣ, да еще на тонкой пропускной бумагѣ. Разобрать такую телеграмму представлялось дѣломъ въ высокой степени труднымъ, мучительнымъ даже, и надо было имѣть большую привычку, чтобы передать ее правильно. А между тѣмъ за неточную передачу редакціи угрожала большая отвѣтственность, особенно при тогдашнихъ условіяхъ цензуры. Скворцовъ могъ просидѣть за редакторскимъ столомъ и проработать надъ выпускомъ газеты хотя бы всю ночь на пролетъ, и онъ просиживалъ такъ надъ нею,—надо помнить,—изо дня въ день въ теченіе многихъ лѣтъ. Трудоспособность его была, дѣйствительно, совершенно исключительная; но довольно исключительный былъ и порядокъ его жизни. Случалось, что, покончивъ съ выпускомъ газеты и вставъ, наконецъ, изъ-за редакторскаго стола, уже собственно раннимъ утромъ, онъ приказывалъ кучеру Евдокиму,—большому артисту по ѣздѣ,—запрягать красавца сѣраго рысака своего, и мы мчались за городъ, обычно въ Петровскій паркъ. Какіе-нибудь полчаса, проведенные въ безлюдныхъ аллеяхъ парка, на свѣжемъ воздухѣ зарождавшагося дня, дѣйствовали явно живительно на истомленнаго человѣка, и онъ возвращался домой хоть нѣсколько освѣженный; но засыпать ему приходилось все же тогда, когда большинство людей уже бодрствовало. Привычка работать ночью до того вошла въ его плоть и кровь, что онъ какъ будто и не могъ заснуть до вторыхъ пѣтуховъ, если даже и являлась возможность освободиться отъ выпуска газеты. Въ такіе свободные отъ занятій въ редакціи вечера онъ сидѣлъ все-таки и читалъ въ своемъ кабинетѣ допоздна, и любимымъ его чтеніемъ были сочиненія политическія и историческія.

Позднее вставаніе, необходимые ежедневные пріемы посѣтителей редакціи, постоянная ночная работа по выпуску газеты—все это, можно сказать, приковывало его къ квартирѣ и лишало возможности появляться часто въ обществѣ, отъ котораго онъ невольно отвыкалъ. Исключеніемъ въ этомъ отношеніи тогда, когда я поселился у Скворцова, представлялись наши поѣздки въ подмосковное имѣніе—Рай-Семеновское Серпуховскаго уѣзда, принадлежавшее Е. П. Тарновской, урожденной Нащокиной, о мужѣ которой я упоминалъ выше. Привѣтливая, интересная хозяйка-музыкантша, живописная старинная усадьба и обширный садъ на берегу красивой Нары, прекрасный, просторный домъ съ театральнымъ заломъ, со сценой и съ массой цѣнной, старинной мебели — все это встаетъ въ моей памяти такъ живо, какъ будто вотъ только на этихъ дняхъ мы ѣздили со Скворцовымъ въ Рай-Семеновское. Невольно вспоминаются эти слова изъ стихотворенія А. Н. Плещеева, положенныя на музыку и посвященныя Е. П. Тарновской:

...И садъ я помню надъ рѣкою,
Гдѣ мы въ вечерній, поздній часъ
Бродили тихою стопою...

А между тѣмъ и радушная хозяйка давно умерла, умерла въ крайности, и давнымъ-давно продана превосходная усадьба, да и существуетъ ли она нынѣ?

Въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ Скворцовъ находился, сколько знаю, лишь къ одному дому въ Москвѣ, а именно къ семейству старика И. Ф. Голь-

денберга, популярнаго въ Москвѣ врача-гомеопата и человѣка, близкаго извѣстному врачу-филантропу Гаазу. На дочери Гольденберга, Ольгѣ Ивановнѣ, по первому мужу Павловой, Скворцовъ женился впослѣдствіи. Его регулярныя поѣздки въ Фурманный переулокъ и обѣды въ семействѣ Гольденберга были почти единственнымъ отвлеченіемъ отъ редакторскихъ занятій, и домъ ихъ былъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ онъ встрѣчалъ многихъ изъ представителей московской интеллигенціи, особенно изъ сферъ педагогическихъ и медицинскихъ.

Когда мнѣ по возвращеніи изъ-за границы пришлось стать въ болѣе близкія отношенія къ «Русскимъ Вѣдомостямъ», тогда на Западѣ совершались крупныя событія: въ центрѣ Европы появилась могущественная, всеподавляющая сила—новая Германская имперія съ печатью крайняго милитаризма; во Франціи,—раздавленной и униженной,—безпутная имперія уступила, наконецъ, мѣсто республикѣ; но на ея территоріи еще находились германскія войска, а въ центрѣ ея шла жестокая борьба между Парижемъ и Версалемъ, хотя побѣда была уже явно на сторонѣ послѣдняго. Исключительныя по своему всемірно-историческому значенію событія эти, вызвавшія огромнѣйшій переворотъ въ условіяхъ тогдашней жизни, поколебали многія изъ установившихся теоретическихъ положеній и не могли не возбудить величайшаго интереса въ обществѣ, даже въ нашемъ отечественномъ.

«Русскія Вѣдомости», какъ и всѣ органы печати, отзывались на эти міровыя событія, разумѣется, въ предѣлахъ, какіе были доступны небольшой газетѣ. Но, останавливаясь на отдѣльныхъ политическихъ проявленіяхъ, онѣ, не въ примѣръ прочимъ органамъ нашей печати, считаютъ справедливымъ сказать слово въ защиту Парижа и обвиняютъ во многомъ узкопартійную, безжалостную политику Тьера. Новая Германская имперія, независимо отъ международнаго своего значенія, интересуетъ ихъ также и по группировкѣ зарождающихся партій; ихъ вниманіе останавливаетъ на себѣ въ частности партія рабочая, раздѣлявшаяся тогда на *лассаллеанцевъ* (Lassalleaner), руководимыхъ Швейцеромъ, и *эйзенахцевъ* или *голубыхъ*, во главѣ которыхъ стояли Бебель и Либкнехтъ. Борьба между этими двумя группами была въ то время довольно ожесточенная, и соединеніе ихъ произошло, какъ извѣстно, позднѣе, послѣ готскаго партейтага, въ 1875 году. Газета старается, затѣмъ, обратить особое вниманіе своихъ читателей на вопросы хозяйственнаго порядка и стремится, между прочимъ, возбудить интересъ также къ положенію нашихъ фабричныхъ рабочихъ. Въ редакціи вырабатывается небольшая программа для изслѣдованія этого положенія, и одинъ изъ близкихъ къ газетѣ лицъ, Ф. Д. Нефедовъ, получаетъ отъ Скворцова спеціальное порученіе собрать по этой программѣ свѣдѣнія о рабочихъ на фабрикахъ въ с. Иваново-Вознесенскѣ, которое было родиной Нефедова, гдѣ онъ и проживалъ въ то время. Нефедову не удалось выполнить полностью заданія редакціи, но многія изъ собранныхъ имъ данныхъ оказались весьма полезными для газеты, да и для самого Нефедова, редактировавшаго позднѣе газету «Русскій Курьеръ». И этотъ интересъ къ нуждамъ трудящихся классовъ становится постепенно все болѣе ярко выраженнымъ въ газетѣ, которая съ тѣхъ поръ и до нашихъ дней не измѣняетъ этому направленію.

Лично мнѣ не пришлось, къ сожалѣнію, и на этотъ разъ работать въ ней долго, такъ какъ, выдержавъ магистерскій экзаменъ, я выступилъ конкурентомъ на освободившуюся въ Петровской академіи каѳедру политической экономіи и долженъ былъ заняться писаніемъ для того pro venia legendi; затѣмъ, когда это мое намѣреніе не осуществилось, я принялъ предложеніе М. Н. Капустина взять мѣсто преподавателя въ преобразовавшемся тогда Демидовскомъ лицеѣ и уѣхалъ вторично за границу на полтора года. Живя на чуж-

бинѣ, я писалъ въ газету мало; мною послано лишь нѣсколько корреспонденцій изъ Вѣны. Болѣе дѣятельное участіе мое въ ней возобновляется только съ осени 1873 г., по возвращеніи въ отечество, когда я началъ чтеніе курса политической экономіи въ Демидовскомъ юридическомъ лицеѣ, въ Ярославлѣ. Мнѣ удается тогда же ввести въ составъ сотрудниковъ газеты нѣкоторыхъ изъ болѣе близкихъ товарищей,—прежде всего М. А. Саблина, завѣдывавшаго статистическимъ комитетомъ въ Москвѣ, и В. М. Соболевскаго, такъ же, какъ и я, только-что начавшаго чтеніе лекцій въ Демидовскомъ лицеѣ. Въ 1874 г. возвратился въ Москву изъ заграничной командировки и началъ чтеніе въ университетѣ Чупровъ, который черезъ меня сходится со Скворцовымъ и становится съ тѣхъ поръ постояннымъ сотрудникомъ газеты. Мало-по-малу этотъ первоначальный кружокъ новыхъ работниковъ разрастается, въ газету входятъ многіе изъ молодыхъ университетскихъ преподавателей, а также нѣкоторые преподаватели ярославскаго лицея,—между ними такъ рано умершій, извѣстный И. И. Дитятинъ, потомъ послѣдовательно харьковскій и юрьевскій профессоръ,—и съ теченіемъ времени она получаетъ прозвище «газеты профессорской». Постепенно увеличиваясь въ объемѣ, «Русскія Вѣдомости» доходятъ, наконецъ, до теперешнихъ своихъ размѣровъ; онѣ становятся уже вліятельнымъ органомъ печати съ того времени, когда редакція была наканунѣ перехода изъ Кривоникольскаго переулка, на Арбатѣ (1875 г.), въ собственный домъ въ Юшковомъ переулкѣ. Въ это время Скворцовъ женится на Ольгѣ Ивановнѣ Павловой, урожденной Гольденбергъ, — авторѣ многихъ интересныхъ, прекрасно написанныхъ статей по исторіи литературы и искусству, печатавшихся въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», — и домъ ихъ является центромъ, привлекающимъ къ себѣ представителей московской интеллигенціи, — и молодыхъ университетскихъ профессоровъ, и выдающихся литераторовъ, художниковъ, артистовъ и адвокатовъ... Многіе изъ нихъ принимаютъ дѣятельное участіе въ газетѣ и состоятъ въ числѣ постоянныхъ работниковъ; многіе оказываютъ самое опредѣляющее вліяніе на группирующихся около газеты лицъ, хотя сами и не числятся въ составѣ активныхъ сотрудниковъ. Къ такимъ лицамъ принадлежалъ, въ числѣ другихъ, очень извѣстный въ то время въ Москвѣ присяжный повѣренный А. А. Никольскій, находившійся въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ Скворцову и ко многимъ участвовавшимъ въ газетѣ, одинъ изъ благороднѣйшихъ и остроумнѣйшихъ людей, какихъ я встрѣчалъ въ своей жизни. Необыкновенная привѣтливость Скворцовыхъ невольно притягивала къ себѣ людей самыхъ различныхъ положеній и тѣмъ увеличивала интересъ ихъ обычныхъ собраній. Грѣшно было бы забыть ихъ радушный домъ, сыгравшій свою немаловажную роль въ культурномъ развитіи нашемъ, домъ, гдѣ каждый входившій встрѣчалъ самый теплый пріемъ, гдѣ все дышало искренней сердечностью и гдѣ какъ-то необыкновенно счастливо была подобрана даже вся прислуга, начиная съ добродушнаго швейцара Якова и вплоть до Скворцовскаго камердинера Захара, конечно, хорошо памятнаго всѣмъ старымъ сотрудникамъ «Русскихъ Вѣдомостей».

Съ переходомъ «Русскихъ Вѣдомостей» въ собственный домъ, въ Юшковъ переулокъ, на Мясницкой, въ 1875 году, значеніе ихъ еще болѣе возрастаетъ. Широкому распространенію газеты не мало способствовало возникшее въ обществѣ оживленіе, вызванное сербско-турецкой, а потомъ восточной войной. Кромѣ того огромное вліяніе на ростъ популярности газеты имѣло и то, что къ этому времени она выработала для себя опредѣленную программу, тщательно и подробно разработанную. Въ ея основу легли тѣ общія положенія, которыя были намѣчены и приняты еще лѣтомъ 1873 г. будущими главнѣй-

шими сотрудниками ея, когда они находились за границей, подготовляясь къ предстоящей ученой карьерѣ. Они съѣхались указаннымъ лѣтомъ въ Гейдельбергѣ и, обсудивъ программы будущихъ курсовъ своихъ, установили также главныя начала, которыми имъ надлежало руководствоваться въ своей общественной дѣятельности вообще Скворцовъ, проникшись вполнѣ этими началами, очень настаивалъ на необходимости зафиксировать ихъ, и, когда программа согласно его желанію и при его ближайшемъ участіи была разработана во всѣхъ подробностяхъ примѣнительно къ изданію газеты, онъ отпечаталъ ее въ собственной типографіи, конечно, въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, только для раздачи лицамъ, участвовавшимъ въ ея составленіи. Программа эта оказала, безъ сомнѣнія, большое вліяніе на распространеніе газеты, такъ какъ изданіе, имѣвшее въ виду опредѣленныя, ясно поставленныя задачи, пользовалось большими симпатіями публики и постепенно пріобрѣтало свой прочный кругъ читателей. Къ сожалѣнію, личныя денежныя дѣла Скворцова, всегда бывшія не въ блестящемъ положеніи, очень ухудшились, да и въ состояніи его здоровья года за три до конца жизни произошла рѣзкая перемѣна: сердечная дѣятельность все болѣе ослабѣвала и организмъ его явно изнашивался. При такихъ условіяхъ онъ вынужденъ былъ пригласить въ соиздатели В. К. Мекка, извѣстнаго желѣзнодорожнаго дѣятеля и близкаго ему человѣка, а затѣмъ и хлопотать объ утвержденіи вторымъ редакторомъ В М. Соболевскаго.

«Никакія настоянія врачей и его близкихъ,—говоритъ авторъ некролога Н. С. Скворцова—не могли убѣдить его хотя на время уѣхать куда-нибудь для отдыха; смерть, казалось, менѣе страшила его, чѣмъ жизнь въ сторонѣ отъ дѣла, которому онъ отдалъ свои лучшія силы. Какъ будто смѣясь надъ подкатывавшимся къ нему тяжкимъ недугомъ, покойный, уже послѣ первыхъ очевидныхъ признаковъ развивавшагося порока сердца, не только не уменьшилъ, а, напротивъ, усложнилъ свои занятія, принявъ на себя званіе гласнаго Думы. И къ этому новому занятію онъ отнесся такъ же горячо, какъ и къ остальнымъ. Дѣламъ городскаго хозяйства онъ удѣлялъ все время, остававшееся отъ газетной работы. Такая неосторожная трата силъ и надломленнаго здоровья едва не кончилась роковымъ образомъ: изъ одного засѣданія Думы онъ былъ привезенъ домой въ состояніи, близкомъ къ смерти.

Съ сентября мѣсяца 1881 г. Н. С. Скворцовъ почти уже не вставалъ съ постели. Начиная съ весны 1882 г. жизнь его была истиннымъ мученіемъ, и, наконецъ, 12-го сентября этого года «повторился одинъ изъ тѣхъ страшныхъ сердечныхъ припадковъ, которые, возвращаясь періодически, въ конецъ истощили силы покойнаго. Этотъ припадокъ былъ послѣдній... Истощенный организмъ не выдержалъ борьбы съ нимъ... Въ ночь на 13-е сентября Николай Семеновичъ Скворцовъ скончался 44-хъ лѣтъ отъ роду».

А. Посниковъ.